

Николай Ткаченко



**ДУРНЫЕ
ПРАВИЛА**

Николай Александрович Ткаченко

Дурные правила

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64200401

Дурные правила / Николай Ткаченко: Литагент Стасс Бабицкий;

Москва; 2021

ISBN 978-5-907403-14-7

Аннотация

Дурные правила. Они не записаны в уставы и кодексы. Им чужды мораль и этика. Они не продиктованы верой или идеологией, но по ним жили и живут миллионы людей. Эти правила подсказывает нутро, та темная, животная сущность, доставшаяся нам от далёких предков, что таится в человеке с незапамятных времен. Для одних это неожиданное проявление инстинкта убийцы, для других – умение закрыть глаза на мелкую подлость ради сиюминутной выгоды, а для кого-то – готовность без размышлений рискнуть своей жизнью. Это происходит ежечасно: в ходе войн и локальных конфликтов, в темных закоулках, на заброшенных пустырях, в домах тех, кто не в силах вырваться из трясины безденежья, невежества или пагубных пристрастий.

Дурные правила аморальны, под их действие в одинаковой степени могут попасть порядочные граждане и закоренелые преступники. Ведь в определенных обстоятельствах люди

мгновенно забывают о законах и нормах приличия и руководствуются только подсознательными позывами.

Кто-то думает, что дурные правила обязательно приведут к неминуемой гибели, но это далеко не всегда так. Там, где они действуют, в этой серой зоне, жестокий палач в последнюю минуту может сжалиться над жертвой, хитроумный план злоумышленников рухнет сам собой, а неминуемая катастрофа просто не произойдет.

Этот мир рядом – под вашими окнами, в мрачной подворотне, за обитой старым дерматином дверью соседа по лестничной клетке. Тонкая ширма общественного договора мешает этому миру прорваться наружу, но стоит ткани слегка прохудиться, и вы уже не узнаете действительность вокруг себя.

Зачастую обществу нет дела до маленьких трагедий обитателей этой реальности. Можно долго пытаться ничего не замечать. Но, случайно оказавшись не в то время и не в том месте, вы рискуете очутиться посреди непривычного и жестокого мира, где действуют совершенно другие правила.

Дурные правила.

Содержание

Рекорд	5
Опарыш	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Николай Ткаченко

Дурные правила

Рекорд

День близился к концу, небо потемнело, и стал накрапывать мелкий холодный дождь. На наблюдательном пункте, расположенном на крыше котельной, было тихо, и только резкие порывы ветра колебали рваные края кровельной жести, которая, изгибаясь, протяжно скрипела. Поначалу казалось, что этот скрежет способен свести с ума, но через несколько часов уши привыкли, и я почти перестал обращать на него внимание. Темно-серые облака над головой заметно ускорили ход, усиливая ощущение тоски и тревоги.

Я подполз на локтях к Юсупову и ткнул его в плечо, дав понять, что хочу, чтобы он передал мне бинокль. Он отвлекся от окуляров, что-то беззвучно произнес и указал пальцем в сторону сожженного здания продовольственного склада, за которым начинались оборудованные немецкие позиции. Там явно не теряли времени даром, потому что за минувшие два дня на насыпи бруствера появились два выступа, свидетельствующие о том, что скоро там будут пулеметные гнезда. С каждым днем этот участок обрастал инженерными сооружениями, и нам оставалось только фиксировать новые элемен-

ты усиления.

Я примостился на краю расстеленной поверх кровли плащ-палатки и взял в руки тяжелый трофейный бинокль. Немного повозившись, настроил резкость и стал рассматривать позиции противника. Там, куда указал мне старшина разведроты Юсупов, можно было различить угол строящегося блиндажа – он вплотную прилегал к остову стены сгоревшего склада и не был виден невооруженным глазом. Слева над местностью возвышалась элеваторная башня, которую мы трижды за последние две недели пытались отбить у противника. Всякий раз, когда она уже оказывалась в наших руках, немцы прицельным минометным огнем с ближних позиций, оборудованных за складами, выбивали оттуда нашу пехоту. Было ясно, что без массивной артподготовки нам вряд ли удастся здесь закрепиться.

Внезапно откуда-то снизу послышался хруст. Я насторожился и, отложив бинокль, посмотрел на Юсупова. Когда звук повторился, он прищурился и коротко кивнул мне. Синхронно, словно по команде, мы отползли от края крыши и приготовились. Я вскинул немецкий автомат, а старшина вынул из-за пояса ручную гранату. Мы застыли, затаив дыхание и напряженно вслушиваясь в протяжный гул холодного ветра и считая удары участвовавшего пульса. С минуту ничего не происходило. Ожидание показалось нестерпимым. Потом внизу, на первом этаже, послышался приглушенный голос Коробкова. Он старался говорить как можно тише, но

было понятно, что он буквально кипит от негодования. Мы бросились вперед по перекрытиям. Добежав до лестницы, в несколько прыжков преодолели ее и оказались внизу. Там, неподалеку от входа, стояли Коробков и Емельянов со взведенными ППШ наперевес, глядя на какого-то человека с высоко поднятыми руками. На нем была солдатская телогрейка и стеганые штаны, до того выпачканные пылью и кирпичной крошкой, что приобрели серо-коричневый оттенок и сливались со стенами.

– Кто такой? – сквозь зубы процедил Коробков, подходя вплотную и придвигая ствол автомата к лицу неизвестного. Пароля у нас не было, так как кроме нас на наблюдательной позиции никого быть не могло.

– Сержант Смирнов, рота связи 11 полка, – скороговоркой выпалил тот, еще выше поднимая руки.

– Почему без предварительного оповещения оказались на наблюдательном пункте? – вступил в разговор я.

– Срочное донесение, – торопливо проговорил сержант. – Вам велено незамедлительно прибыть в расположение штаба дивизии.

– Чей приказ? – с подозрением поинтересовался Коробков.

– Командира разведывательного батальона, капитана Фролова Андрея Макаровича, – так же быстро и без запинки отчеканил вестовой.

Услышав имя своего непосредственного командира, я

немного расслабился. Тут Юсупов вышел вперед и жестом предложил Коробкову опустить оружие.

– Знаю я его – у Болдырева в роте служит, просто рожа вся в грязи, сразу и не поймешь, кто такой.

Мои разведчики заметно успокоились и отошли в сторону. На переднем крае, на ничейной земле, где через несколько сот метров начинаются позиции противника, мы доведены до высшей степени напряжения и потому опасны даже для своих. Поняв, что его признали, посыльный опустил руки и попросил разрешения выйти из здания. Я утвердительно кивнул, жестом велел Коробкову следовать за ним. Вестовой вышел в сопровождении Коробкова, но через минуту оба вернулись. Посыльный нес карабин, благоразумно оставленный им снаружи, перед тем как войти в здание, где находились разведчики.

За пару минут мы убрали следы своего пребывания и были готовы выдвигаться. Обычно на наблюдательный пункт мы приходили задолго до рассвета, а уходили ближе к полуночи, что позволяло перемещаться по открытой местности под покровом тьмы. Теперь же, пока не стемнеет, нам придется по-пластунски проползти с полкилометра, чтобы добраться от котельной до предполья нашей обороны.

Первым послали вестового: раз добрался сюда, доберется и обратно. Он широко улыбнулся, обнаружив отсутствие верхнего переднего зуба, закинул за плечи карабин и резво пополз вперед, смешно виляя задом. Юсупов сплюнул, об-

мотал оптический прицел винтовки портянкой, чтобы не повредить его о камни, и пополз следом за связистом. Дальше двинулись все остальные, я был замыкающим.

Мы ползли по обожженной земле и кирпичной крошке, от выступа к выступу, от воронки к воронке. После месяца непрерывающихся позиционных боев местность была хорошо пристреляна противником, и в случае обнаружения нам было несдобровать. Методично работая коленями и локтями, я полз вслед за Емельяновым, в точности повторяя его путь. Сорок минут кряду все, что я видел перед собой, были подбитые квадратными гвоздями подошвы его немецких сапог. За это время я успел обмозговать сложившуюся ситуацию: приказ покинуть наблюдательный пункт и срочно явиться в штаб дивизии мог означать что-то непредвиденное, а внезапный отзыв разведгруппы с линии фронта нередко случался перед началом наступления.

Когда мы наконец приблизились к нашим позициям, стало смеркаться. Короткими перебежками по одному запрыгнули в передовые окопы, где уже ждали ребята из роты охранения. Они были предупреждены о нашем преждевременном возвращении, пароль не спрашивали и, дождавшись, пока мы все соберемся, повели нас в глубь паутины наших траншей. За окопами второй линии стояли два полуразрушенных барака, беленных известью. У одного из них дежурил командирский виллис с выключенными фарами. Мои бойцы переглянулись, а Юсупов даже присвистнул, впечат-

ленный столъ торжественным приемом.

– Видно, сильно мы кому-то понадобились, – еле слышно пробурчал Коробков. По тону я понял, что и он встревожен внезапным вниманием руководства к нашей группе. Как показывал опыт, такую спешку командование проявляет, когда надо на кого-то переложить ответственность или за что-то наказать.

Шофер виллиса, одетый как штабист, курил, развалившись на переднем сиденье. При нашем приближении он щелчком отшвырнул окурок, отряхнул сползшую на бок фуражку и вылез из машины нам навстречу. Он был офицером, но под надетым поверх гимнастерки плащом не было видно знаков различия. Он обратился к нам звучным, хорошо поставленным, будто у конферансье, голосом:

– Лейтенант Спицын?

Я прочистил горло и отозвался:

– Так точно. Прибыл по приказанию.

Он не дал мне договорить и быстро произнес:

– Садитесь скорее в машину, вас с группой нужно срочно доставить в штаб.

Мы с Юсуповым многозначительно переглянулись: во взгляде старшины читался тот же вопрос, что и я задавал сам себе, пока мы ползли к переднему краю. Бойцы боком устроились на заднем сидении, кроме связного, который, пожелав нам удачи, поспешил в расположение своей роты. Я сел рядом с водителем, машина тронулась, и запахло выхлопными

газами. Вскоре к этому примешался запах солдатской махорки: ребята, пользуясь передышкой, дружно закурили.

Ехали молча, держа курс в глубь расположения наших войск. Я украдкой поглядывал на шофера, он и правда был похож на ведущего эстрадных концертов: зачесанные на пробор волосы, маленькие черные усики и сильный запах лавандового одеколona. Так и подмывало спросить, не работал ли он до войны в каком-нибудь московском театре, но я сдержался. Он пару раз закуривал прямо на ходу, одной рукой то крутя руль, то резко дергая рычаг коробки. Машину сильно трясло на ухабах, иногда приходилось хвататься за край кресла, чтобы не вылететь на очередном вираже.

Пока мы ехали, стало темно. Мимо промелькнули сильно пострадавшие от бомбежки цеха кирпичного завода. Слева сиротливо торчала одинокая печная труба – все, что уцелело от сгоревшей дотла деревянной хаты. Вдруг резко захотелось спать, я зевнул в кулак и помотал головой, чтобы взбодриться. Дорога петляла, уводя все дальше к пригородам, позади остались руины городских строений, и началась жидкая лесополоса. За ней были видны деревянные дома, часть из которых выгорела еще при первом штурме, а часть уцелела и теперь использовалась для размещения штабов и командного состава дивизии, так как сюда не доставали немецкие минометы.

На одном из поворотов дорогу нам преградил выросший словно из-под земли патруль. Пятеро дюжих автоматчиков

выскочили из густых зарослей бузины и потребовали остановить машину. Наш шофер сбавил ход и медленно подкатил к патрульным, затормозив в метре от того места, где они стояли. Затем неторопливо извлек из-за пазухи бумагу и, аккуратно развернув ее, многозначительно протянул старшему. Тот вышел вперед и зажег перед собой фонарь. Сначала он внимательно изучил содержание бумаги, потом осветил фонарем всех сидевших в машине.

– Кто такие? – поинтересовался он довольно грозно.

– Старший лейтенант Кравченко из штаба дивизии, со мной разведгруппа лейтенанта Спицына. Срочно велено явиться в расположение штаба по приказу полковника Стародубцева, – уверенным голосом немного нараспев ответил наш шофер.

Патрульный вернул бумагу, козырнул и отошел в сторону, пропуская машину. Автомобиль сорвался с места, оставив за собой шлейф сизого дыма. Прошло еще минут десять, и мы на полном ходу подкатили к пункту назначения. Штаб находился в длинном трехэтажном здании, где до войны располагалось техническое училище. Вокруг царило непонятное оживление: несмотря на поздний час, во дворе было много народу, туда-сюда деловито сновали штабные офицеры, подъезжали машины, из которых выскакивали командиры и тут же пропадали в раскрытых дверях.

Наш шофер лейтенант Кравченко притормозил возле самого входа и, заглушив мотор, вприпрыжку побежал внутрь,

сделав знак следовать за ним. Мы вошли в штабное помещение, доложив о прибытии дежурному офицеру. Тот исчез, затворив за собой дверь. Через пару минут нам навстречу вышла целая делегация. Помимо комдива Стародубцева и командира разведбата Фролова, там был еще незнакомый мне высокий подполковник, а последним вышел энергичной походкой замполит дивизии Василий Владимирович Хорин.

– Здравствуйте, товарищи разведчики! – радостно воскликнул при виде нас комдив Илья Степанович Стародубцев. Поравнявшись со мной, он схватил меня за руку своей могучей, словно медвежья лапа, влажной пятерней. Потом подобным же образом он поприветствовал моих бойцов. Вслед за комдивом нам пожали руки и остальные начальники. Мой командир капитан Фролов, взяв меня за руку, буквально впился глазами мне в лицо.

– К тебе есть разговор, – быстро проговорил он, отпуская мою ладонь.

– О делах потом, а сейчас ребят нужно накормить, – вмешался стоявший рядом комдив. – Ребята ведь только с передовой, голодные, небось, как волки.

Он махнул рукой дежурному, и нас повели по коридорам в командирскую столовую, где стоял длинный деревянный стол. Окна в целях светомаскировки были завешены плотной холщовой тканью, а со стены на вошедших весело глядел портрет Луначарского в облупившейся коричневой раме.

Мы сложили в углу оружие и подсумки с патронами, умы-

лись холодной колодезной водой в стоявшем у стены тазу и сели за стол. Не прошло и минуты, как на нем появились банки с американской тушенкой, свежий хлеб из печи, малосольные огурцы и целая бадья толченой картошки, посыпанной крупной желтоватой солью. Бойцы довольно хмыкнули и набросились на еду. Сам я ел немного и почему-то без особого аппетита. Мне не терпелось поскорей узнать, о чем собирается говорить со мной командир, и чем вызван столь неожиданный прием дивизионных начальников.

Минут двадцать нас никто не беспокоил. Потом в дверях показался дежурный и, убедившись, что я закончил с едой, попросил следовать за ним. Оставив солдат расправляться с остатками ужина, я поправил ремень, отряхнул, как мог, пыль с гимнастерки и пошел за дежурным офицером. Пропетляв по коридорам и поднявшись на второй этаж, мы вошли в большую комнату, где нас уже ждало начальство. Кроме тех, кто встречал нас внизу, там находился незнакомый мне рыжеволосый молодой капитан худощавого телосложения и какого-то совсем уж не военного вида. Он вышел навстречу и поприветствовал меня мягким рукопожатием, сказав, что зовут его Михаил Коган и он военкор специальной газеты Юго-Западного фронта «На штык!»

Мне велели присесть, я пододвинул себе стул и сел напротив комдива, который первым делом поинтересовался результатами нашей сегодняшней рекогносцировки. Я доложил по форме, сообщив о выявленных приготовлениях про-

тивника на направлении нашего потенциального наступления. Комдив слушал не очень внимательно, хотя и не перебивал, но было ясно, что мой доклад интересует его лишь постольку-поскольку. Закончив донесение, я уперся взглядом в расстеленную на чертежном столе карту, на которой поверх плана пригорода красным карандашом были обозначены позиции наших сил. Присмотревшись, я отметил про себя, что кое-где штабные данные явно устарели.

После короткой паузы в разговор вступил товарищ Хорин. Это был человек средних лет, невысокого роста, плотно сбитый, лысоватый. Коротко стриженные седые волосы оставались у него только на висках и затылке, мясистое лицо блестело в свете керосинки, а крупный, похожий на древесный нарост нос был покрыт тонкой сеткой пунцовых сосудов. Водянистые, глубоко посаженные глаза стального оттенка смотрели недоверчиво и отстраненно, хотя рот то и дело кривила ухмылка, обнажая крупные, словно у лошади, зубы, два из которых были металлическими. Туловище замполита было плотно обтянуто кителем, казалось, портупья вот-вот лопнет от натяжения, когда он резко менял положение своего похожего на упругий бочонок корпуса. Его авторитет в дивизии считался непререкаемым, хотя многие офицеры шепотом выражали сомнения в осведомленности Хорина там, где дело касалось сугубо военных вопросов. И вот он обратился ко мне почти дружеским тоном, так, словно мы с ним были давними приятелями.

– Знаешь ли ты, Андрюша, почему мы тут все так внезапно собрались? Вон ведь, среди нас даже военный корреспондент сидит, – шутливо сказал Хорин, кивнув в сторону Когана, который слегка смутился, услышав, что его упомянул замполит.

– А дело все в том, лейтенант, что сегодня к нам из штаба армии прибыли большие гости, а точнее – гостья. Зовут ее Катя Скворцова, она снайпер-истребитель, кавалер ордена Красного Знамени и на сегодняшний день имеет лучший результат фронта по количеству уничтоженных снайперов противника. Приехала она не куда-нибудь, а именно сюда, в дивизию, потому что вот уже месяц, как в наших позициях действует опытный немецкий стрелок, специализирующийся на уничтожении командного состава. Только за последний месяц он убил шестерых офицеров, двое из которых были в звании майора, чем нанес сильный ущерб не только кадровому составу, но и политико-моральному состоянию войск. Какое это, представь, живется в третьей артиллерийской бригаде, где за месяц враг уже дважды отстреливает командиров рот, будто бы они какие-то тетерева на ветке?

В этот момент Хорин склонился ко мне и доверительно заглянул в глаза, давая понять, что это должно остаться между нами. Я, естественно, хорошо знал о немецком стрелке, который уже пару месяцев наводил страх на стоящие в городе части. Этот снайпер появлялся то здесь, то там, хирургически точными выстрелами снимал сразу по несколько чело-

век, часто менял позиции и ни разу не был нами вычислен. Сибиряки из пятой разведроты пробовали подстеречь его на ничейной полосе, но сами попали в засаду на минном поле и полегли почти все.

– Долгое время фашист безнаказанно издевался над нами, но баста: не все коту масленица! – грозно вступил в разговор комдив Стародубцев. Хорин иронически глянул на него, сощурился и продолжал:

– Пришла управа на немецкого стрелка – Катей зовут. На завтра назначена операция по его уничтожению, и тебе, вместе с твоей группой, нужно будет оказать всемерную помощь товарищу Скворцовой. Вы сможете обнаружить гада, а уж за остальным дело не станет: она с ним быстро разберется – и не таких ссаживала. А заодно подсобите кавалеру ордена Красного Знамени установить новый рекорд фронта по числу уничтоженных снайперов противника. Сейчас у нее одинаковый результат с якутом из 12-й армии, но если завтра вы не подведете, выйдет Катенька вперед, и к следующей годовщине будет и у нас, чем похвастаться! А то ведь нынче у армии дела не очень хорошо идут – сам видишь, топчемся на месте уже который месяц. Зря только три полка положили, а выхлопа – шиш, – разоткровенничался замполит, будто я приходился ему старым другом. – В детали предстоящей операции тебя посвятит твой командир. Давай, Андрей Макарыч, объясни, что от бойцов потребуется.

Фролов посмотрел на меня тяжелым, грустным взглядом.

Было видно, что в последние дни он почти не спал: щеки впали, под глазами выступили черные круги. Кадровый офицер, переживший тридцатые годы, он часто бывал жестковат с подчиненными и терпеть не мог оправданий, но в то же время был опытным специалистом разведывательно-диверсионного дела, за что его высоко ценило начальство. Служба под его руководством была не сахар, но каждый из нас точно знал, что приказ командира – это единственно верное решение.

– Значит так, Спицын, – как всегда, начал он, только почему-то голос его звучал как-то неуверенно и хрипло, а говорил он заметно быстрее, чем обычно, как будто желая поскорее высказать все, что хотел от него услышать Хорин. – Завтра пойдете втроем: ты и двое из группы, сам определишь, кто именно. С вами будет четвертый человек, одетый в форму полковника, вы при нем в качестве сопровождения. Имитируете выезд на передний край для осмотра возможного места наступления. Засветитесь, как следует: на машине подъедете к передовым позициям, немного пошумите. Действовать будете недалеко от авторемонтной базы, где недавно захлебнулось наступление четвертого полка. Там же в последний раз отметился немецкий снайпер, пустив пулю в лоб молодому артиллерийскому лейтенанту. Ваша задача – привлечь к себе внимание противника, а остальное сделает старший сержант Скворцова.

Он на секунду умолк, и я позволил себе возразить:

– Но ведь привлечь внимание – значит поймать пулю от немецкого снайпера?!

Тут снова вступил Хорин, который даже слегка привстал со своего места:

– А тут ты, лейтенант, не волнуйся, будь спокоен. Катюша его сразу же вычислит, у нее глаз орлиный, он и пикнуть не успеет, а не то что стрельнуть!

Я вопросительно посмотрел на своего командира: Фролов опустил глаза, было видно, что он все прекрасно понимает. Повисла тяжелая пауза, которую снова прервал я:

– А кто, в таком случае, будет одет в форму полковника? Кто из нас станет подсадной уткой?

– Тише, тише, Андрей. Ты, главное, успокойся, – почти зашипел покрасневший лицом Хорин. – Ты с ребятами будешь просто рядом стоять, никто вас и пальцем не тронет. А на роль полковника есть у нас человек, скажем так, осознавший всю тяжесть своих преступлений против социалистической Родины и готовый кровью искупить... Но я больше чем уверен, что до этого не дойдет.

– А кто он такой? Кто? Штрафник, уголовник? – начал заводиться я. – А если вдруг что-то пойдет не так? Что если он попробует бежать, воспользовавшись обстановкой?

– Не убежит, – оборвал меня Хорин. – А на что там тогда вы трое?

Я осекся, размышляя над услышанным.

– Не дрейфь, лейтенант, смелость города берет! А там

ведь медали дадут, а тебе, глядишь, и звезда на плечи прилетит, – подбодрил замполит, заговорщицки подмигнул и рукой с пухлыми короткими пальцами похлопал меня по плечу.

Тут снова заговорил мой командир:

– С вами пойдет рядовой штрафной роты, а в прошлом – капитан бронетанковых войск РККА, кавалер ордена Ленина за бои на Халхин-Голе Александр Кривоносов. До марта месяца он командовал ротой тяжелых танков в дивизии Золотарева. Потом началась антисоветская агитация, драка с замполитом четырнадцатой роты, открытый саботаж прямых приказов командования. Под конец его рота во время неудавшейся переправы оставила противнику две боевые машины, так и не успев подорвать в них боекомплект. Это стало последней каплей, капитан был отдан под военный трибунал, разжалован и только с учетом прежних боевых заслуг избежал немедленного расстрела.

– Но коммунистическая партия от лица всего советского народа готова предоставить шанс даже оступившимся людям, признавшим всю тяжесть своей вины и готовым ради ее искупления выполнить опасное поручение командования, – на одном дыхании протянул Хорин и твердым взглядом уставился прямо на меня.

– Итак, вам все ясно, товарищ лейтенант? – вдруг добавил он ледяным тоном, от которого мне стало совсем не по себе.

– Так точно, товарищ Хорин! – быстро ответил я.

– Ну, вот и славно, – продолжил он гораздо мягче, возвращаясь к первоначальной панибратской манере. – Обо всем остальном подробно переговорите с товарищем Фроловым.

– А сейчас пойдём-ка вниз, – дружески замурлыкал замполит. – Познакомлю тебя с нашей Катенькой, хоть будешь знать, с какой красавицей вам вместе воевать придется.

Раздался скрежет отодвигаемых стульев, все встали со своих мест и направились к выходу. Впереди бодро вышагивал Хорин. Он как будто был очень рад, что завершилось обсуждение непосредственно военных тем.

Мы спустились на первый этаж, где в просторном помещении уже собралось человек десять офицеров. Все шумно переговаривались, делясь последними фронтовыми новостями и обсуждая скорость продвижения наших войск. Курили не выходя, и под потолком в непроветриваемой комнате повисла густая сероватая дымка.

Хорин на несколько минут исчез за высокой дверью, затем появился, ведя под руку миниатюрную молодую девушку, одетую в новенькую сержантскую форму, идеально подогнанную по фигуре. Несмотря на небольшой рост, девушка была крепкой и хорошо сложенной. На высокой груди блестели орден Красного знамени и несколько медалей. Я всмотрелся в ее лицо: румяные щеки, слегка поджатые пухлые губы, большие светло-карие глаза. В то же время невысокий лоб был прорезан двумя ранними морщинками, особенно заметными, когда она хмурилась: возможно, то был при-

знак волевого характера. Мягкие каштановые волосы, подстриженные под каре по довоенной моде, вызывали в памяти веселую студенческую жизнь, казавшуюся теперь таким далеким прошлым.

Кашлянув в кулак, чтобы прочистить горло, Хорин торжественным голосом произнес:

– Товарищи командиры и политработники, спешу представить вам товарища Скворцову, нашу боевую подругу, героически сражающуюся вместе с нами и взявшую на себя тяжелую ношу борьбы с опаснейшими врагами красноармейцев – гитлеровскими снайперами-убийцами!

Присутствующие дружно зааплодировали, а те, кто сидел, тут же повскакивали с мест, чтобы стоя приветствовать вошедших.

– Там, где порой не справляется даже самая мощная военная техника, в дело вступает наша Катенька! И тут уж пощады не жди! Многих отъявленных фашистских извергов уже сразила ее твердая рука, и, помяните мое слово, еще больше гадов скоро бесславно лягут в нашу землю! – почти крича скандировал Хорин. При последних словах его налившееся краской лицо озарилось довольной улыбкой, а глаза уставились на меня, насмешливо подбадривая и давая понять, к кому в первую очередь относится сказанное.

Офицеры обступили Катю, жали ей руку, отпускали всевозможные комплименты и спешили узнать ее мнение по самым разным вопросам. Она несколько смутилась от всеоб-

щего внимания, однако отвечала четко, по-военному коротко и при этом так мило улыбалась, что настроение у всех присутствующих стало просто превосходное.

Военный корреспондент Коган настоял на том, что необходимо сделать совместный снимок для фронтовой газеты. Начались спешные приготовления. Мебель отодвинули к стене, оставив лишь несколько стульев для старших командиров и Кати, все остальные должны были стоять плотным строем позади. Я встал сбоку, рядом с Фроловым, справа от меня оказался сутулый штабист с пышными черными усами, подкрученными на дореволюционный манер. Все вытянулись, как по команде, раздался негромкий щелчок, затем еще один, после чего Коган принялся убирать свой ФЭД обратно в чехол.

Тут ко мне вразвалочку подошел наш комдив и, взяв меня за локоть, подвел к стулу, на котором сидела Катя.

– Знакомьтесь, – вполголоса представил нас друг другу Стародубцев. – Лейтенант Андрей Спицын из разведроты нашей дивизии. Завтра вам вместе предстоит выполнить ответственное задание штаба.

Екатерина пристально посмотрела на меня, протянула руку и загадочно улыбнулась. На миг мне почудилось, будто в ее глазах блеснул лукавый огонек, но стоило ей заговорить, как от него не осталось и следа.

– Здравствуйте, товарищ лейтенант. Рада знакомству и надеюсь на поддержку в завтрашнем бою, – серьезным голосом

размеренно сказала она.

Я кивнул, не говоря ни слова, и хотел было отойти на шаг назад, но понял, что так и держу в своей руке ее маленькую холодную ладонь.

– Постараюсь сделать все, от меня зависящее! – быстро выговорил я и отпустил ее руку. В ответ она одарила меня еще одной снисходительной улыбкой, и я почувствовал, как у меня предательски краснеют щеки, а взгляд помимо воли уперся в мыски кирзовых сапог.

Повисла небольшая пауза, но тут к нам подошел капитан Фролов, изобразив на бескровных губах некое подобие улыбки, и произнес резким сухим голосом:

– К сожалению, вынужден прервать ваше общение, так как мне еще нужно проинструктировать лейтенанта касательно завтрашней задачи.

С этими словами, не дав толком попрощаться с собравшимися, он поманил меня за собой. Оказавшись со мной один на один в коридоре, он заговорил:

– А теперь внимательно слушай, Спицын, и помни о том, что я тебе скажу: никому ни слова. Никому! Завтра выдвинетесь на позиции к девяти утра. Новую форму получите прямо здесь, я уже дал все необходимые указания интенданту. Переночуете в хате неподалеку отсюда, затем зайдете за четвертым – он будет ждать вас в блиндаже у майора Лукина, а оттуда на машине поедете в район ремонтной станции.

– Товарищ капитан, разрешите спросить?

– Спрашивай!

– А этот четвертый, он кто такой?

– Тебе вроде уже сказали: бывший танкист, потом был разжалован и предстал перед военно-полевым судом за антисоветскую деятельность, неповиновение приказам и вредительство.

– А он знает, что его завтра ждет?

Капитан помедлил с ответом, но потом сказал, как будто злясь на что-то:

– Да, знает.

– Но если так, ведь он может нас выдать! – не унимался я.

Фролов шумно выдохнул, раздув при этом ноздри так широко, словно был он не человек, а какой-то неведомый сказочный зверь. С полминуты смотрел куда-то мимо моего лица, а потом тихо, с досадой сказал:

– Знаешь, Спицын, что главное в нашем деле? Что самое важное для работы фронтовой разведки? Нужно научиться людей читать, понимаешь? Как будто книгу, от начала до конца, а иногда и с середины... И своих и чужих нужно уметь быстро прочесть по одному взгляду, по позе, в которой ты человека видишь. А без этого в нашей работе никак нельзя.

Капитан стал говорить чуть тише:

– Я видел Кривоносова, общался с ним и смотрел личное дело: это хороший кадровый офицер, он им был и остается до сих пор, несмотря ни на что. А беда в том, что год назад, в Куйбышеве, после школы призвался его младший

брат, девятнадцатилетний мальчишка. Парень молодой, совсем бестолковый, на марше во время бомбежки отбил от роты и заночевал в деревне, рассчитывая утром догнать своих. А тут как раз немецкая моторизованная дивизия пошла в контратаку, фронт был прорван, и его ушедшая вперед рота дралась в окружении. Утром, отправившись искать сослуживцев, он напоролся на отряд СМЕРШа, работавший в прифронтовой полосе, а те разбираться не стали, решили, что дезертир, уклонявшийся от боя. Ну и, недолго думая, по законам военного времени...

Фролов зашелся глухим хриплым кашлем, потом утер рот кулаком и продолжал:

– Кривоносов, как узнал, ушел в себя, совсем перестал с людьми общаться и втихую запил. Прошло почти полгода, и, как назло, новый молодой политрук на собрании комсостава возьми да и ляпни при всех про брата-предателя. Кривоносов не сдержался, кинулся душить дурака. Едва оттащили, политрук уже посинел весь, еще чуть-чуть – и насмерть бы удавил его. Потом пошло-поехало: рапорты, доносы, замечания командования, как будто только ждали повода, и он в конце концов нашелся. Месяц назад, когда мы в первый раз неудачно пошли за реку, в первом эшелоне шла его танковая рота. Рано утром они по понтонному мосту, за ночь наведенному саперами, перешли на левый берег, сразу ввязались в бой, заняли плацдарм на опушке леса и ждали пехоту. Днем немцы очухались, подтянули к фронту восьмидесятивосьми-

миллиметровые зенитки и штурмовые орудия. А потом прилетели юнкеры и разбили понтонный мост, по которому так и не успела подойти наша отставшая пехота. Капитан отбивался отчаянно, потерял в бою три машины и, не дождав-шись поддержки, решил под покровом ночи вброд переправиться обратно на правый берег. Немцы, услышав шум моторов, открыли по реке шквальный огонь из зениток. Кривоносов переправлялся наугад под обстрелом врага. Две машины утонули, удалось спасти только экипаж, но пять танков капитан вывел из-под огня. Наше наступление захлебнулось, и в дивизии нужно было по-быстрому отыскать козла отпущения, чтобы на кого-то списать все ошибки. Тут уж ему припомнили прошлые дела, обвинили в том, что он самовольно оставил позиции и преднамеренно сдал врагу две единицы бронетехники. Ему грозил расстрел, но за Кривоносова вступился комдив, зная, что тот хороший офицер и во время боя сделал все, от него зависящее, чтобы спасти людей и боевые машины. Расстрел в итоге заменили штрафным батальоном, а семью сняли с продуктового довольствия и лишили всех льгот. У Кривоносова молодая жена с двумя маленькими детьми на руках, и без продуктовых карточек им сейчас будет очень тяжело. Вот он и вызвался первым во всей штрафной роте выполнить любой приказ, только чтобы с него, живого или мертвого, сняли обвинения, а семью восстановили в правах. Так что, если хочешь мое мнение: он вас не подведет, сам сделает все, что сказали. Я это у него во

взгляде прочитал. У него там сейчас только жена и дети, о себе он больше не думает.

Я слушал очень внимательно, ведь на моей памяти не было ни разу, чтобы командир так долго о чем-то рассказывал. Когда Фролов умолк, повисла долгая пауза. Каждый как будто размышлял о чем-то своем. Выйдя из задумчивости, я вспомнил, что теперь нужно было выяснить у командира детали завтрашнего задания. Он вынул из планшета карту, раскрыл ее передо мной и показал точное место, где завтра должна будет находиться наша группа.

– По нашим разведанным, этот немец тоже будет там, – загадочно произнес Фролов.

Я не стал уточнять, откуда ему это известно, понимая, что, скорее всего, ничего не добьюсь своими расспросами. Некоторое время мы оба молчали, пристально глядя друг на друга, потом он сказал:

– Задание очень рискованное, лично я был против его проведения, но кое-кто у нас в штабе категорически настоял.

В тоне Фролова проскользнула нотка неуверенности; на секунду мне даже показалось, будто он извиняется передо мной за этот приказ, однако уже после следующей фразы это ощущение полностью исчезло.

– Тебе все ясно? Вопросы есть? – тихо, но твердо, в соответствии со своей всегдашней манерой, подвел итог капитан.

– Так точно. Вопросов больше нет, – бодрым тоном, так, словно мне хотелось успокоить моего командира, отозвался

я.

Он довел меня до столовой, где на лавках кемарили мои уставшие за день бойцы. Услышав звук шагов по расшатанным доскам пола, чуткий Юсупов тут же привстал и, завидев нас с Фроловым, растолкал остальных. Все разом повскакивали с лежанки и вытянулись по стойке смирно.

– Вольно, бойцы, – сухо произнес Фролов. – Завтра у вас ответственное задание: нужно будет в первой половине дня прибыть к переднему краю наших позиций, в район моторно-тракторной станции, под видом группы сопровождения при высокопоставленном офицере. Затем вместе с ним имитировать осмотр позиций. При этом желательно немного засветиться, сознательно пренебречь правилами маскировки и тем самым привлечь внимание противника. В этом, собственно, и заключается ваша основная задача. Вопросы есть?

Привычные к частой смене боевых задач, разведчики дружно ответили, что вопросов у них нет. Фролов козырнул и уже было развернулся, чтобы уходить, как вдруг остановился и на прощание крепко пожал мне руку, он как будто хотел вдохнуть в меня боевой дух, столь необходимый для предстоящей рискованной операции. Когда он наконец ушел, я еще раз рассказал бойцам о том, что нам предстояло сделать:

– Состав завтрашней группы – четыре человека, включая меня и штрафника. Значит, кто-то из вас может завтра остаться в роте.

Все трое молчали, слушая мои разъяснения. Немного помедлив, я спросил:

– Кто продолжит дежурство на наблюдательном пункте, пока мы будем отсутствовать?

Ответа я не ждал, я был полностью уверен в своих людях, полагая, что со мной они разделят любое испытание. Я уже собрался сам назначить старшим Юсупова, так как именно он, по моему разумению, мог бы на время принять командование разведгруппой. Наступило молчание, длившееся с полминуты. Внезапно вперед подалась грузная фигура Емельянова:

– Товарищ лейтенант, я готов продолжить наблюдение за перемещениями противника.

Юсупов и Коробков посмотрели на него с нескрываемым изумлением. Юсупов даже присвистнул, выражая свое отношение к происходящему. Я продолжал:

– Отлично, сержант, значит, возьмете с собой двух бойцов из третьего отделения и затемно выступите на позицию в котельной. А сейчас отправляйтесь в расположение нашей роты, здесь вам больше делать нечего.

Я, сам того не замечая, стал обращаться к Емельянову на вы, хотя до этого никогда не имел такой привычки в общении со своими боевыми товарищами, а в тоне моем проявилось какое-то с трудом скрываемое пренебрежение. Тут я поймал себя на мысли, что за один миг совершенно разочаровался в этом человеке. Емельянов сконфуженно стоял передо мной,

нелепо моргая и теребя руками засаленную, добела выгоревшую на солнце пилотку. Казалось, ему хочется что-то сказать в свое оправдание, но он так и не решил, что именно.

– Вы свободны, сержант, можете идти, – подвел я черту.

Он неуверенно кивнул головой и виновато посмотрел на товарищей, которые ответили ему каждый по-своему: Коробков грозно смерил его пристальным взглядом из-под густых черных бровей, Юсупов презрительно ухмыльнулся, дав понять, что был лучшего мнения о нем. Емельянов неуверенной походкой вышел из столовой и медленно побрел по коридору. Уже готовый скрыться в проходе, он в последний раз, будто прощаясь, посмотрел на нас взглядом пристыженного ребенка.

Я присел за стол и налил себе кружку кипятку из стоявшего на печи чайника. Пил молча, разглядывая исцарапанные надписями доски стола.

– Не думал я, что Семен так запросто скурвится, – хотел продолжить разговор Юсупов, но я оборвал его жестом, дав понять, что эта тема закрыта. Допив воду, поставил кружку в таз для умывания и стал надевать свою плащ-палатку. Бойцы встали и вслед за мной принялись собираться.

Когда мы выходили из штаба, была уже глубокая ночь; я спросил у дежурного, куда нам пройти на ночлег. Он объяснил, что для нас специально приготовили один из домов возле леса, где обычно размещались приезжие члены комсовета, и велел солдату из хозроты проводить нас туда.

Идти пришлось недалеко. У края лесополосы стояли три нетронутые деревенские хаты, в одну из которых нас определили на постой. Мы по одному вошли в сени, где пахло сыростью и конской упряжью. Стараясь не наделать шума, при свете зажженной спички провожатый отворил дверь и провел нас внутрь. В доме было всего две комнаты. Нам досталась та, что побольше. Слева была низкая дверь, из-за которой доносился хриплый многоголосый храп.

Юсупов с Коробковым тут же взгромоздились на печь и уже там принялись стаскивать обмундирование. Мне же отводилась узкая лежанка, стоявшая неподалеку от окна. Я стянул сапоги, снял обмундирование и лег на сколоченную из необтесанных досок скамью, подложив под голову свернутую плащ-палатку. Рядовой из хозроты оставил для нас сухпайки на утро и ушел, плотно затворив за собой входную дверь. Комната погрузилась во тьму, и вскоре с печи слышалось громкое сопение. Ребята отключились за минуту, а я долго лежал, глядя в угол под потолком. Там, во мраке, виднелись очертания полки, где когда-то стояли иконы.

Сон не шел ко мне – стоило закрыть глаза, как водоворот тревожных мыслей заполнял собой голову. Мне не хотелось думать о завтрашнем дне – чувство беспокойства никогда не способствует успеху задуманного. Я приподнялся, натянул сапоги и на цыпочках выскользнул в сени. Выйдя на крыльцо, поежился, так как ночи теперь стали совсем холодными. Тучи, закрывавшие небо весь день, рассеялись, и стали

видны редкие тусклые звезды. Помню, в детстве мне всегда хотелось научиться находить созвездия. На западе совсем не было слышно разрывов снарядов, тишину нарушал лишь негромкий скрип калитки под порывами ветра. Все будто затаилось в оцепенении, ожидая прихода новой неистовой огненной бури. Я дыханием согрел пальцы и, постояв еще немного, вернулся в наше пристанище. Вновь устроившись на лежанке, я стал думать о милом женском лице, увиденном мною сегодня, пока не забылся глубоким сном.

Раньше всех поднялся Юсупов. Он тихо выскользнул во двор, чтобы облегчиться и выкурить пару папирос. Возвращаясь обратно, он случайно споткнулся о стоящий в проходе вещмешок, сквозь зубы чертыхнулся, и мы все окончательно проснулись. Была половина восьмого. Мы умылись колодезной водой в умывальнике, стоящем в сенях, и присели подкрепиться на скорую руку сухим пайком. Настроение было довольно бодрое, хотя день по-прежнему не сулил ничего хорошего. Потом собрались, надели подготовленную специально для нас новую артиллерийскую форму и проверили оружие. Зачем нужна была эта новая форма, я мог только смутно догадываться, а мои бойцы, привыкшие лишнего не спрашивать, просто хмыкнули, натягивая на себя свежие, слегка хрустящие форменные штаны. Присели на дорожку, и я непроизвольно глянул вверх, на угол, где темнел след от некогда горевшей там лампадки.

Когда мы вышли из приютившей нас на ночь хаты и по-

шли вдоль местами выломанной деревянной изгороди, внезапно подул холодный северный ветер. Он согнул верхушки молодых неокрепших берез, словно пытаясь одним усилием прижать их к самой земле. Порывы ветра подхватили и понесли по дороге измятый газетный лист, причудливо извивавшийся, крутившийся вокруг своей оси. Наконец, словно утомившись игрой, ветер подбросил бумагу высоко вверх, где другой поток подхватил ее и унес за пределы видимости.

Юсупов, по всегдашнему своему обыкновению, что-то напевал себе под нос, Коробков же был как никогда мрачен и молчалив, за все время, пока мы собирались, он не пророчил ни единого слова. Сквозь серовато-белесый полог туч просияло бледное утреннее солнце. Мы срезали путь, пройдя через заросший бурьяном пустырь, и голенища сапог заблистали от холодной росы. Шли не петляя, прямо к позициям Лукина, где нам должны были передать штрафника и автомобиль. Постепенно мы обретали какую-то угрюмую решимость, которая, казалось, проникала в нас вместе с холодным воздухом. Мы вдруг ускорили шаг и стали двигаться так быстро, как будто стремились настичь давно желанную трудную добычу.

На западе загрохотало. С каждым шагом в сторону передовой мы слышали гул все громче и отчетливее. Мы приблизились к расположению фронтового медсанбата, миновали землянки зенитчиков и уже подходили к командирскому блиндажу, когда нас окликнул стоявший на часах пожилой

усатый солдат. Я назвал себя и сообщил, куда мы идем. Немного замешкавшись, он проследовал за нами, закинув на плечо трехлинейку с примкнутым черным штыком. Подойдя к командирскому блиндажу, часовой попросил подождать и юркнул в проход, чтобы доложить о нашем прибытии.

Отодвинув кусок брезента, прикрывавший вход в блиндаж, нам навстречу вышел Лукин. Он был уже немолодым, опытным воякой, начавшим войну с самых первых дней. Среднего роста, довольно нескладный, он был, тем не менее, всегда энергичен и скор в движениях. Лицо его, изборожденное глубокими косыми морщинами и покрытое двухдневной щетиной, оживлялось прищуренными озорными глазами. Он внимательно осмотрел мою новую форму, потом окинул взглядом моих товарищей.

– Ну, здорово, бойцы, – как своих, поприветствовал нас комбат.

– Здравия желаем, товарищ майор, прибыли по поручению штаба дивизии для проведения разведывательного мероприятия, – ответил я.

– Знаю, знаю, лейтенант, зачем вы здесь. А ну давай все внутрь – не стоять же нам на проходе. Смотрю, нарядили вас, как на парад. Говорят, замполит распорядился. Сказал: «Так заметнее будут»

С этими словами комбат провел нас в темные недра своего низкого закопченного блиндажа.

– Михалыч, наведи-ка нам чаю пока! – бросил Лукин от

входа одному из своих замов, сидевшему тут же на снаряжном ящике и брившемуся опасным лезвием, глядя на себя в трехгранный осколок битого зеркала. Тот поспешно вскочил, отер грязным полотенцем мыльную пену с лица и исчез в проходе.

Комбат указал нам на лавку в углу, а сам устроился напротив, заняв освободившийся снаряжный ящик. Откуда-то в его узловатых, словно ивовые корни, пальцах появился подробный план местности. Он раскрыл его и повернул ко мне.

– Гляди, лейтенант: вот железнодорожный мост, он тебе как ориентир; слева жилые дома, справа начинаются постройки, относящиеся к ремонтной станции. Сейчас там несколько наших пулеметных точек, но немцы постоянно норовят выбить оттуда мою пехоту. Их позиции вот здесь, в полуразрушенных многоэтажках, которые смотрят на станцию с северо-запада. Фрицы хотят вернуть мост, а нам нужен плацдарм за ним, и пока многоэтажки у них в руках, мы дальше за реку не пройдем. Сейчас сил на серьезную атаку нет ни у кого, но ясно, как день, что если где и начнется, то это будет непременно тракторная станция...

Я понятливо кивнул в ответ на его вопрошающий взгляд, а он, удостоверившись, что мне все ясно, заключил:

– Сейчас я схожу за Кривоносовым, попьете чаю на дорожку и будете выдвигаться.

Он резко встал и вышел из блиндажа. Пока его не было, его зам принес самовар и разлил по кружкам горячий, дымя-

щийся чай. Мы взяли каждый по кружке, и, довольные радужным приемом Лукина, слегка повеселели.

Юсупов хотел было занять нас очередной байкой о своей предвоенной одесской жизни, одной из тех, что он всегда травил перед выходом на серьезные задания, но в этот момент из-под брезентового полога показалась коренастая фигура, одетая в полковничью шинель. Это был Кривонос – плотный, крепко сбитый, с черными, как смоль, волосами и прямыми, как будто сложенными из кирпичиков, чертами лица. Войдя, он молча козырнул нам, а я, признаться, даже слегка растерялся, не зная, как его приветствовать. Мои разведчики дружно подскочили и отдали ему честь, видимо, в замешательстве от его грозного вида и полковничьей формы. Я кивнул ему, не вставая, а он прошел вглубь и встал у стены, молча устремив свой тяжелый немигающий взгляд куда-то в угол. Вид его был мрачен, и мне вмиг стало очень неуютно. Тем временем вошел Лукин и, взяв из выдолбленной в бревнах ниши еще одну кружку, налил в нее чаю и протянул Кривоносову.

– На, Александр Григорьевич, хлебни на дорожку чайку.

– Не хочу, – отвечал тот, стоя к нему в пол-оборота.

Лукин печально посмотрел на мрачную фигуру, потом заглянул в кружку и выловил оттуда какой-то мелкий сор.

– Это группа лейтенанта Спицына. Будете сегодня вместе выполнять боевое задание. Все командование лежит на лейтенанте, ему ты подчиняешься полностью, понял?

– Так точно, – хмуро пробурчал Кривоносков.

– И смотри, без фокусов, что бы там ни было, понял? – на этот раз строго сказал комбат.

Кривоносков вытянулся по стойке смирно и уже совсем другим голосом громко выпалил:

– Есть, товарищ майор!

– Вот так-то, – удовлетворенно хмыкнул Лукин и обратился ко мне:

– Пока твои бойцы чай допивают, пойдём-ка перекурим.

С этими словами он повел меня наружу. Там, в траншее, комбат достал расшитый бисером кисет с махоркой и сказал очень серьезным тоном:

– Держите ухо востро. Дело серьезное, на контроле у замполита дивизии, и шутить никто не будет.

Потом он смачно затянулся короткой самокруткой, мастерски скатанной буквально за несколько секунд. Я машинально поправил портупею и спросил:

– Вы это насчет Кривоноскова?

– Я это тебе в целом говорю, о ситуации. С Александром я общался вчера, все ему разъяснил подробно, думаю, он меня понял.

– А товарищ Скворцова? Где она будет находиться? – поинтересовался я.

– За нее не беспокойся, она на месте будет. Ну, а где именно, тебе того знать не положено. Знаю только, что на позицию она ушла еще до рассвета.

Лукин закашлялся, сплюнул и отбросил недокуренную самокрутку за бруствер.

– Ладно, пойдем, лейтенант, пора вам уже.

Мы вернулись в блиндаж, и я дал бойцам знак, что мы выдвигаемся. Кривоносое все так же стоял у стены. Он был напряжен и с видимым нетерпением ждал, когда мы отправимся. Лукин взялся лично проводить нас до замаскированного навеса, под которым стоял виллис.

– Вот вам и машина нашлась, – с улыбкой сказал майор, – но смотрите у меня, чтоб с возвратом! – добавил он, видимо, желая, чтобы фраза прозвучала по-отечески строго, но вышло почему-то довольно грустно. Майора выдавали глаза: они глядели задумчиво и печально, не задерживаясь на лицах. Он по очереди крепко пожал руки всем четверым и коротко бросил:

– Езжайте!

Коробков, который до войны работал в совхозе комбайнером, сел за руль, рядом с ним Юсупов со взведенным ППШ наперевес, а мы с Кривоносовым разместились сзади. Ехать было недалеко, сложность составлял только открытый участок местности на подъезде к машинно-тракторной станции, который немцы простреливали из минометов. Его нужно было проскочить как можно быстрее, чтобы они не засекали нас и не накрыли огнем. Я напомнил об этом Коробкову, он кивнул и еще крепче стиснул рулевое колесо. Солнце ненадолго показалось сквозь серую пелену облаков, заставив меня слег-

ка сощуриться и надвинуть на лоб козырек фуражки. Ехали небыстро, дороги почти не было, приходилось все время петлять, объезжая глубокие воронки, оставленные авиационными бомбами.

Наконец мы выехали на пустырь, в конце которого виднелись длинные корпуса МТС. Я хлопнул Коробкова по плечу, давая понять, чтобы он гнал что есть мочи. Мотор взревел, и машина рванула вперед, набирая скорость. Нас отчаянно подбрасывало на колдобинах, и я думал только о том, как бы не перевернуться, однако Коробков достойно справлялся с управлением, ловко маневрируя между воронками и пропуская меж колес мелкие ямы. Тряска была неистовая, и я боялся, что вот-вот кто-нибудь из нас выпадет и кубарем покатится по земле, но вскоре мы подъехали к кирпичным корпусам. Не сбавляя скорости, Коробков направил машину по узкому проезду между одноэтажными строениями. Тут путь нам преградила куча битого камня, обвалившегося со стен после обстрела. Машина с размаху ударилась об нее передним бампером, раздался протяжный скрежет царапавшего днище кирпича. С трудом преодолев препятствия, мы въехали во внутренний двор МТС.

Юсупов весело заулюлюкал и одобрительно потрепал Коробкова по шее. Мы остановились у самых построек, не выезжая на середину, чтобы машина была не сильно видна с воздуха на случай появления немецких «штук». Повсюду царило страшное запустение, напоминавшее о недавних оже-

сточенных боях. Здания были испещрены следами многочисленных артиллерийских ударов. Один из одноэтажных корпусов, где раньше располагались ремонтные мастерские, сильно обгорел, крыша кое-где провалилась. Посреди двора маячил остов разбитой осколочными снарядами полуторки.

Я велел Юсупову проверить стоящие впереди строения и проход, ведущий к выезду со станции. Он, пригибаясь, двинулся короткими перебежками, держа автомат перед собой. Мы присели за фрагментом кирпичной кладки, приготовили к бою оружие и стали ждать. Кривоносов был справа. Тут он привстал и впервые за все время обратился ко мне:

– Слышь, лейтенант, дай мне свой пистолет, а то неохота просто так тут подохнуть.

Я повернулся и только сейчас заметил, что его кобура пуста.

– Не положено, – ответил я после секундного раздумья. – Оружие возьмете только в случае гибели большей части группы.

– А как воевать-то, чтоб вас всех? Голыми руками, что ли? – огрызнулся он.

– Отставить, товарищ Кривоносов, – резко оборвал его я. Он хмуро умолк, отвернулся и стал всматриваться в проем между корпусами, где только что скрылась фигура Юсупова. Пока мы ждали возвращения сержанта, утреннюю тишину внезапно прервал низкий протяжный гул крупнокалиберных орудий. Я инстинктивно прижался к земле, подумав,

не по нам ли это стреляют, но потом, оценив громкость и интонацию выстрелов, пришел к выводу, что это били наши гаубицы. Разрывы прозвучали впереди, за передним краем немецкой линии укреплений. Тяжелые, словно удары огромного молота, они продолжались около пяти минут, потом все стихло, и снова в округе воцарилось напряженное молчание.

Вскоре показался Юсупов, он шел не таясь, в полный рост и, подойдя к нам, довольно заулыбался.

– Все чисто, командир, ни немцев, ни наших не видать, – упредив мой вопрос, весело отрапортовал старшина. Я же не разделял его веселости, и с каждой минутой нервное напряжение делалось все сильнее.

– Группа, за мной! – скомандовал я, и мы гуськом, на расстоянии пяти метров друг от друга, двинулись к выходу с территории ремонтной базы. Пройдя вдоль корпусов и миновав остатки некогда стоявших здесь ворот, мы оказались на открытой местности. Впереди, в полукилометре от нас, тянулась железнодорожная насыпь, за которой виднелись руины многоэтажных домов, зиявших пустыми глазницами окон, словно гигантские черепа. Пространство перед насыпью сохраняло следы длительного кровопролитного сражения. Земля была изрыта воронками от снарядов, кое-где виднелись обвалившиеся неглубокие траншеи. Невдалеке от насыпи, слева, замер подбитый танк. Его корпус был изувечен пробоинами, а сорванные с катков гусеницы валялись на земле, напоминая сброшенную змеиную кожу. В воз-

духе ощущался сладковатый тошнотворный запах застарелой гари с едва ощутимой примесью разложения. Вскоре ветер сменил направление, и запах ослаб.

Впереди, на горизонте, стоял плотный столб тяжелого черного дыма, который ветер слегка сносил влево. Он упирался в серые блеклые облака, сливаясь с ними наверху, из-за чего небо на западе казалось разделенным надвое. Наши орудия били по железнодорожной платформе, и, видимо, сегодня снаряды достигали цели. Плотные клубы черного маслянистого дыма росли и двигались все быстрее, будто стремясь заполнить собой все небо. Казалось, еще немного, и этот пасмурный день до срока сменит новая ночь.

Мы двигались осторожно, пытаясь использовать как укрытие рельеф местности, обломки каменного забора, ползасыпанные брошенные окопы. Собравшись вместе, решили приступить к постановочному осмотру позиций. Кривоносов вызывающе глянул на меня, вынул из чехла громадный морской бинокль и, выпрямившись в полный рост, выступил вперед, наводя окуляры на видневшиеся за насыпью руины. Я хотел было приказать ему укрыться за основанием ограды, но решил, что разжалованный танкист просто выполняет поставленную перед ним задачу. Так стоял он, вытянувшись, словно моряк на носу идущего сквозь бурю корабля, бросая отчаянный вызов разбушевавшейся стихии. Постепенно и мы, воодушевленные его примером, вышли из своего ненадежного убежища за остатками кирпичной сте-

ны и стали пристально всматриваться в разрушенные многоэтажки, похожие на заброшенные осиные гнезда. Постояв некоторое время, прошли по траншее вперед и вправо и там продолжили наблюдение из осыпавшегося окопа.

Первые минуты дались трудно. Это было колоссальное напряжение всех физических и моральных сил: вены на шее вздулись и, казалось, вот-вот лопнут от напора крови, подгоняемой неистово колотившимся сердцем. Однако промелькнуло мгновение, потом другое, но ничего не произошло. На западе все было тихо, словно противник покинул передовые позиции.

Мои бойцы, поначалу напряженные и едва скрывающие свое волнение, немного успокоились и принялись исследовать в бинокль метр за метром передний край территории противника. Кривоносов вошел в роль и деловито расхаживал взад-вперед, глядя в бинокль и иногда делая какие-то пометки на планшете, где у него лежала сложенная карта и чистый блокнот. Время текло, как расплавленное масло, вокруг ничего не происходило. Я подумал, что это к лучшему, но, с другой стороны, командование непременно потребует от нас подробный отчет. Тогда я решил, что нам необходимо сменить диспозицию и переместиться метров на пятьсот правее, поближе к заброшенной будке регулировщика, откуда открывался вид на оставленные после артобстрела немецкие укрепления, расположенные в первых этажах разрушенных зданий. Стараясь не шуметь, мы прошли вперед по от-

крытой местности, являя собой отличную мишень.

Тем временем немцы опомнились от удара нашей артиллерии и начали ответный минометный обстрел. Правда, их мины метили в глубь оборонительных линий и пока никак не мешали нашему передвижению. Кое-где нам удавалось юркнуть в оставленные траншеи, но скоро они закончились, и мы, пригибаясь, стали двигаться наискосок, туда, где у железнодорожного полотна прилепилась маленькая постройка. Я решил, что мы заляжем у насыпи и оттуда будем вести дальнейшее наблюдение. Шли друг за другом: первым Коробков, за ним Кривонос, а потом, чуть поодаль, мы с Юсуповым.

Край насыпи уже виднелся в паре сотен метров, когда внезапно, где-то за нашими спинами, раздался свист, а за ним громкий хлопок разрыва. К нему примешался еще какой-то звук. Я машинально припал к земле, стараясь отыскать хоть малейшую неровность или выемку. Свист повторился, хлопки ударили позади, на ремонтной станции, раздался хруст посыпавшегося кирпича. Мы пролежали несколько минут в ожидании следующего минометного залпа.

Потом я подумал, что нужно попытаться броском добраться до какого-нибудь укрытия. Досчитав до ста, я поднялся на ноги, за руку подхватил Юсупова и тихо позвал остальных. Кривонос приподнялся на одно колено. Я глянул вперед, туда, где перед взрывом находился шедший первым Коробков. Он лежал, уткнувшись лицом в землю, с рас-

кинутыми руками. Я хотел было крикнуть «ложись», но тут раздался новый выстрел. Я снова припал к земле, видя, как кряжистая фигура Кривоносова тяжело осаживается на землю и кубарем скатывается в ближайшую неглубокую воронку. Я резко нырнул за ним. Мы лежали, вжавшись в землю, и ждали следующего выстрела из руин. Кривоносов был серьезно ранен, пуля прошла навывлет, пробила легкое, и изо рта у него пузырями шла кровь. Я стал судорожно шарить в подсумке, пытаюсь найти бинт, и в этот момент услышал сзади голос Юсупова:

– Командир, ты жив?

Я тихо отозвался, сказав, что Кривоносов ранен.

– Держись, я сейчас, – услышал я в ответ и хотел было приказать сержанту оставаться на месте, но тот рванулся с земли с автоматом наперевес, в три прыжка оказался у воронки и уже почти очутился в ней, когда из многоэтажек раздался третий выстрел. Юсупов на мгновение застыл, загреб руками воздух, упал навзничь и больше уже не шевелился.

Я вжался щекой в землю и замер. Кривоносов лежал рядом на спине, шинель на его груди потемнела от крови, но он был в сознании и повернул голову в мою сторону. В его глазах отразились боль и тоска, но вместе с тем какая-то могучая решимость. Мы глядели друг на друга, я вынул из подсумка бинт и хотел подползти к нему вплотную, но он отчаянно замотал головой, приказывая мне не делать этого. Он лежал и смотрел куда-то вверх, на небо, а я не слышал ниче-

го, кроме бешеных ударов собственного сердца.

Я подумал: «А где же Катя? Почему она не стреляет?» Так лежали мы рядом еще некоторое время. Вдруг Кривоносов повернулся ко мне и кивнул. Не успел я понять, что означает этот кивок, как он, напрягшись, приподнялся на руках. Я попытался схватить его за ногу, но он, хрипя и цепляясь за выступы, выбрался из воронки. С полминуты он стоял согнувшись, собираясь с силами, а потом выпрямился во весь рост. Время замерло. Раздался выстрел, и Кривоносов, уже мертвый, рухнул обратно в воронку.

Я остался один, в растерянности прикрывая голову руками и судорожно соображая, что мне делать дальше. Времени у меня почти не оставалось – воронка служила лишь условной защитой, и немец без труда достал бы меня там, стоило ему лучше прицелиться. Я вспомнил, что совсем близко от того места, где мы лежали, начиналась заброшенная траншея. Если бы мне удалось добраться до нее, я бы мог дожждаться наступления темноты! Раздумывать было некогда, и я решился, пока снайпер не засек меня. Закинув автомат за спину, я стал карабкаться вверх и перемахнул через край воронки.

Немец уже и сейчас мог бы начать стрелять, но, видимо, он был педантом и хотел сработать чисто, одним выстрелом, полагая, что мне все равно некуда деваться. Я пополз, но вот бугор распаханной взрывами земли преградил мне путь. Медленно заползать на него было бессмысленно – так стре-

лок снял бы меня без малейшего труда. Тогда я вскочил и ринулся вперед, вложив в свой рывок все оставшиеся силы. Я прыгнул раз, другой, третий, нарочно меняя направление, чтобы ему сложнее было целиться. До спасительной траншеи оставалось не более трех метров, когда я услышал выстрел и в тот же миг ощутил обжигающий удар в спину. Падая, я покатился по земле. Я хотел приподняться, но тут раздался еще один выстрел. Я ждал нового удара и новой боли, но их не последовало. Я вдруг понял, что звук последнего выстрела был уже другим и прозвучал он не со стороны разрушенных домов, а откуда-то справа, оттуда, где стояла одинокая будка регулировщика. Над окрестностями воцарилась мертвая тишина. Я стоял на коленях, но от боли стал заваливаться на бок. Сознание не покидало меня, и тут меня осенило: тот последний выстрел сделал не немец – это была Катя, все это время сидевшая в засаде и ждавшая удобного момента. И вот теперь, как видно, она смогла наконец достать свою цель.

Так думал я, вспоминая ее милое открытое лицо и понимая, что уже почти не чувствую ног, что рядом, в нескольких метрах, остывают тела моих товарищей – цена, уплаченная за этот единственный верный выстрел. Я еще раз попробовал приподняться, выжидая, не будет ли кто-нибудь стрелять. Но нет, безмолвие повисло над округой, прекратился даже ответный минометный огонь немцев. Я растянулся на земле, глядя на разрастающееся черное облако дыма вдали. Стало зябко и страшно, захотелось пить, а с неба начинал

капать мелкий холодный дождь.

Опарыш

У выхода из метро было не протолкнуться. Оказавшись на улице, люди спешили на приступ переполненных маршруток. Хлопали двери, слышались раздраженные вздохи и обрывки телефонных разговоров. Вездесущие раздатчики протягивали прохожим цветные листовки, но в суматохе никто не обращал на них внимания. В горячем воздухе пахло пережаренным куриным мясом и парами бензина.

Из павильона станции вышел молодой человек в белой рубашке с коротким рукавом, заправленной в синие джинсы. На вид ему было немногим больше двадцати лет, он был худощав, сутул, с коротко стриженными светлыми волосами и серебряной серьгой в левом ухе. На щеках свежими язвочками алела угревая сыпь. В руках он держал толстую кожаную папку с документами и дорогой мобильный телефон. Парень двигался намного медленнее людского потока. Он то и дело осматривался по сторонам, желая понять, туда ли попал. Толпа, торопившаяся заскочить в отъезжающий транспорт, теснила его с прохода. Наконец молодой человек отошел в сторону, прислонился к опоре рекламного стенда и, щурясь, начал что-то разглядывать на указателях. В его руках задрезжал мобильный телефон, мелодия звонка утонула в окружающем шуме. Он поднес сотовый к уху и громко сказал:

– Я слушаю!

– Але, Саша?

– Да, Дмитрий, я уже на месте!

– Ты у метро стоишь? Напротив «Восточной сказки»?

Молодой человек обвел окрестности напряженным взглядом, повисла пауза.

– Але, слышишь меня?

Юноша заметил на другой стороне дороги двухэтажное строение с красной вывеской "Ресторан Восточная сказка. Кавказская, русская и европейская кухня". Молодой человек быстро выпалил:

– Да, я стою напротив «Сказки»!

– Ну, тогда жди пять сек, сейчас тебя зацеплю и поедем.

Выйди на дорогу, чтоб тебя видно было.

Парень протиснулся между построившихся змейками пассажиров, прошмыгнул перед отъезжающей маршруткой и вышел на проезжую часть. Не прошло и минуты, как прямо на него из потока проносящихся машин вырулил большой джип цвета воронова крыла. Машина остановилась так резко, что молодой человек инстинктивно отпрянул. Загадочное тонированное стекло опустилось, и из салона послышался разухабистый мотив. Следом высунулся водитель в блестящих солнцезащитных очках.

– Саня, залезай! – сказал он, сделав приглашающий жест рукой, покрытой густой растительностью. Щелкнул центральный замок. Саша открыл дверь и уже хотел было сесть, но замешкался: в ногах перед пассажирским сиденьем лежа-

ли несколько бумажных пакетов из сетевой закуской и пара пустых пластиковых бутылок. Заметив, что юноша немного растерялся, водитель посмотрел вниз и выругался.

– Щас, погоди, – сказал он и, недолго думая, выбросил пакеты с бутылками прямо на асфальт.

– Садись скорее, тут знак – стоять нельзя, – снова позвал он молодого человека. Машина резко тронулась, сзади слышался ожесточенный визг клаксонов.

– Как добрался? – спросил водитель, крупный, плечистый мужчина лет сорока, с яйцевидной головой, плотно вкрученной в мощную треугольную шею. Его тело было обтянуто черной футболкой, в вырезе виднелась увесистая золотая цепь. Черты лица были смазанными: высокий выпуклый лоб плавно перетекал в нос, сломанный в далеком прошлом и теперь слегка приплюснутый. Молодой человек ответил, что ехал дольше обычного, посетовав на час пик в метро.

– Надо тебе машину покупать, а то в этой душегубке и раздавить могут, – усмехнулся Дмитрий. – Права-то есть?

– Есть, – отвечал Саша, слегка смутившись. Водить он толком не умел и получил удостоверение при помощи знакомых своего отца.

– Ну, значит, пора тебе за руль, – убежденно сказал мужчина, провожая взглядом пару загорелых девушек, шедших по тротуару, – в нашем деле без руля тяжело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.